

Смерть Столыпина

Изъ воспоминаній бывшаго
Кіевскаго Губернатора.

1-го сентября 1911 года былъ четвертый день пребывания въ Кіевѣ Императора Николая II, посѣтившаго съ Августѣйшей Семейю Мать городовъ русскихъ, чтобы присутствовать на открытіи памятника Царю - Освободителю и на маневрахъ войскъ Кіевскаго Округа.

Утро 1-го сентября было особенно хорошимъ, солнце на безоблачномъ небѣ свѣтило ярко, но въ воздухѣ чувствовался живительный осенній холодокъ. Въ восьмомъ часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъѣздѣ Государя на маневры. Послѣ проводовъ Государя, ко мнѣ подошла Начальникъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія полковникъ Кулябко и обратился съ слѣдующими словами: "Сегодня предстоитъ тяжелый день; ночью прибыла въ Кіевъ женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористическій актъ въ Кіевѣ; жертвой намѣченъ, повидимому, Предсѣдатель Совѣта Министровъ, но не исключается

и попытка Цареубійства, а также и покушенія на Министра Народнаго Просвѣщенія Кассо; рано утромъ я доложилъ обо всемъ Генераль-Губернатору, который уѣхалъ съ Государемъ на маневры; Генераль Треповъ заходилъ къ П. А. Столыпину и просилъ его быть осторожнымъ; я остался въ городѣ, чтобы разыскать и задержать террористку, а генераль Курловъ и полковникъ Спиридовичъ тоже уѣхали съ Государемъ". Мы условились, что полковникъ Кулябко вышлетъ за Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ закрытый автомобиль, чтобы въ пять часовъ дня отвезти его въ Печерскъ на ипподромъ, гдѣ долженъ быть происходить въ Высочайшемъ присутствіи смотръ потѣшныхъ. Кулябко передастъ шоферу маршрутъ, чтобы доставить министра туда и обратно кружнымъ путемъ. По приѣздѣ А. П. Столыпина къ трибунѣ я встрѣчу его внизу и провожу въ ложу, назначенную для Совѣта Министровъ и лицъ свиты, возлѣ царской; вокругъ Кулябко незамѣтно расположить охрану. Кулябко просилъ провести Министра такъ, чтобы онъ не останавливался на лѣстницѣ и въ узкихъ мѣстахъ прохода. Я спросилъ Кулябко, что онъ предполагаетъ дѣлать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это онъ отвѣтилъ, что вблизи Государя и Министровъ онъ будетъ все время держать своего агента-освѣдомителя, знающаго террористку въ лицо. По данному этимъ агентомъ указанію она будетъ немедленно схвачена.

До крайности встревоженный всѣмъ слышаннымъ, я поѣхалъ въ городской театръ, гдѣ заканчивались работы къ предстоящему въ тотъ же вечеръ парадному спектаклю, и въ Печерскъ на ипподромъ. Поднимаясь по Институтской улицѣ я увидѣлъ шедшаго мнѣ навстрѣчу П. А. Столыпина. Несмотря на сдѣланное ему Генераль-Губернаторомъ предостереженіе, онъ вышелъ около 11 часовъ утра изъ дома Начальника Края, въ которомъ жилъ. Я повернулъ въ ближайшую улицу, незамѣтно вышелъ изъ экипажа и пошелъ за министромъ по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся въ подъѣздѣ Государственнаго Банка, гдѣ жилъ Министръ Финансовъ Коковцевъ.

Въ пятомъ часу дня начался съѣздъ приглашенныхъ на ипподромъ. На кругу передъ трибунами выстроились въ шахматномъ порядкѣ учащіеся школъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Яркое солнце освѣщало ихъ рубашки, бѣлѣвшія на темномъ фонѣ деревьевъ. Незадолго до 5 часовъ прибылъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, и я встрѣтилъ его на условленномъ мѣстѣ. Выйдя изъ автомобиля, П. А. Столыпинъ сталъ подниматься по лѣстницѣ, но встрѣтившіе его знакомые задерживали его и я видѣлъ обезпокоенное лицо Кулябки, который дѣлалъ мнѣ знаки скорѣе проходить. Мы шли мимо ложъ занятыхъ дамами. П. А. остановился у одной изъ нихъ, въ которой сидѣла вдова умершаго савовника. Здороваясь съ нимъ и смотря на его обвѣшанный орденами сюртукъ, она промолвила:

“Петръ Аркадьевичъ, что это за крестъ у васъ на груди, точно могильный?” Извѣстная своимъ злымъ языкомъ, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту Предсѣдателя Министровъ сочтены и она хотѣла его уколоть, но эти слова, которымъ я невольно придалъ другой смыслъ, больно ударили меня по нервамъ. Сидѣвшія въ ложѣ другія дамы испуганно переглянулись, но Столыпинъ совершенно спокойно отвѣтилъ: “этотъ крестъ, почти могильный, я получилъ за труды Саратовскаго Мѣстнаго Управленія Краснаго Креста, во главѣ котораго я стоялъ во время Японской войны”.

Затѣмъ Министръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и я просилъ его войти въ ложу, предназначенную, какъ я уже сказалъ, Совѣту Министровъ и Свитѣ. Министръ войти въ ложу не пожелалъ и на мой вопросъ почему, возразилъ:

“безъ приглашенія Министра Двора я сюда войти не могу”. Съ этими словами П. А. Столыпинъ сталъ спускаться съ трибуны по лѣстницѣ, направляясь на площадку передъ трибунами, занятой приглашенной публикой. У окружавшаго площадку барьера, съ правой стороны, Министръ остановился. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, что сидѣвшіе кругомъ, въ разныхъ мѣстахъ, лица въ штатскихъ костюмахъ поднялись со своихъ сидѣній и незамѣтно стали полукругомъ, на разстояніи около 20 шаговъ отъ насъ, по ту и другую сторону барьера. П. А. Столыпинъ имѣлъ видъ крайне угнетенный.

“Скажите, началъ П. А. свою бесѣду со мной, кому принадлежитъ распоряженіе о воспрещеніи учащимся-евреямъ участвовать 30-го августа, наравнѣ съ другими, въ шпалерахъ во время шествія Государя съ крестнымъ ходомъ къ мѣсту открытія памятника?” Я отвѣтилъ, что это распоряженіе было сдѣлано Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа Зиловымъ, который мотивировалъ его тѣмъ, что процессія имѣла церковный характеръ. Онъ исключилъ поэтому всѣхъ не христіанъ, т. е. евреевъ и магометанъ. Министръ спросилъ: “отчего же вы не доложили объ этомъ мнѣ, или Начальнику Края?” Я отвѣтилъ, что въ Кіевѣ находился Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго зависѣло отмѣнить распоряженіе попечителя округа. П. А. Столыпинъ возразилъ: “Министръ Народнаго Просвѣщенія тоже ничего не зналъ. Произошло то, что Государь узналъ о случившемся раньше меня. Его Величество, крайне этимъ недоволенъ и повелѣлъ мнѣ примѣрно взискать съ виновнаго. Подобныя распоряженія, которыя будутъ приняты какъ обида, нанесенная еврейской части населенія, нелѣпы и вредны. Они вызываютъ въ дѣтяхъ національную рознь и раздраженіе, что недопустимо и ихъ послѣдствія ложатся на голову Монарха”.

Въ концѣ сентября попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа, Тайныѣ Совѣтникъ Зиловъ, былъ уволенъ отъ службы.

Во время этихъ словъ я услышалъ, какъ возлѣ меня что то щелкнуло, я повернулъ голову и уви-

дѣлъ фотографа, сдѣлавшаго снимокъ со Столыпина. Возлѣ фотографическаго аппарата стоялъ человекъ въ штатскомъ сюртукѣ съ рѣзкими чертами лица, смотрѣвшій въ упоръ на Министра. Я подумалъ сначала, что это помощникъ фотографа, но самъ фотографъ съ аппаратомъ ушелъ, а онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Замѣтивъ находившагося рядомъ Кулябко, я понялъ, что этотъ человекъ былъ агентомъ охраннаго отдѣленія, и съ этого момента онъ уже не возбуждалъ во мнѣ безпокойства.

Знакомые начали подходить къ П. А., но Министръ не былъ на этотъ разъ словоохотливъ, и разговоръ не завязывался. Вскорѣ онъ опять остался одинъ со мной. Стрѣлка показывала далеко за 5, но Государь противъ обыкновенія сильно запаздывалъ, а изъ Святошина сообщили, что Онъ еще не проѣхалъ съ маневровъ. Я сталъ рассказывать о кіевскихъ дѣлахъ. Министръ слушалъ безучастно. Онъ оживился только, когда я заговорилъ о ходѣ землеустроительныхъ работъ по расселенію на хутора въ Уманскомъ уѣздѣ — первомъ въ Россіи по количеству расселенныхъ и по площади, охваченной движеніемъ, принявшимъ въ цѣломъ округѣ стихійный характеръ. Послѣ минуты раздумья Министръ сказалъ: “если ни что не помѣшаетъ я съѣзжу послѣ отъѣзда Государя на нѣсколько дней въ Корсунь, а оттуда проѣду посмотрѣть уманскіе хутора, но объ этомъ никому не говорите, пока я не переговорю съ Начальникомъ Края”. Когда я

заговорилъ о выборахъ въ земство и о достигнутыхъ результатахъ, Министръ сталъ слушать внимательно. Онъ называлъ фамилии нѣкоторыхъ лицъ и интересовался ихъ характеристикой, а затѣмъ сказалъ слѣдующее: "Государь очень доволенъ составомъ земскихъ гласныхъ. Онъ надѣется, что ихъ воодушевленіе искренно и прочно. Я радъ, что увѣренность въ необходимости распространенія земскихъ учреждений на этотъ край сообщилась Государю. Вы увидите, какъ край расцвѣтетъ черезъ десять лѣтъ. Земство можно было ввести здѣсь давно, конечно, съ нужными ограниченіями для польскаго землевладѣнія. Я замѣтилъ также, что та острота, которой сопровождались пренія Государственнаго Совѣта и Думы по вопросу о національныхъ куріяхъ, не имѣетъ корней на мѣстѣ. Появки вездѣ съ большимъ интересомъ и вполне лояльно отнеслись къ выборамъ. Я самъ въ свое время много работалъ съ поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомнѣваюсь, что земская дѣятельность послужитъ къ общему сближенію"

Съ опозданіемъ часа на полтора пріѣхалъ Государь съ дѣтьми. П. А. встрѣтилъ Государя внизу и прошелъ въ ложу рядомъ съ Царской. Охранявшая Министра охрана, въ томъ числѣ и агентъ, стоявшій у фотографическаго аппарата, сошла со своихъ мѣстъ и окружила государя, Его Семью, Министровъ и Свиту. Смотръ потѣшныхъ прошелъ,

и разъѣздъ закончился около 8 часовъ вполне благополучно.

Къ 9 часамъ начался съѣздъ приглашенныхъ въ театрѣ. На театральной площади и прилегающихъ улицахъ стояли сильные наряды полиціи, у наружныхъ дверей — полицейскіе чиновники, получившіе инструкціи о тщательной провѣркѣ билетовъ. Еще утромъ всѣ подвальныя помѣщенія и ходы были тщательно осмотрѣны. Въ залѣ, блиставшей огнями и роскошью убранства, собралось избранное общество. Я лично руководилъ разсылкой приглашеній и распредѣленіемъ мѣстъ въ театрѣ. Фамиліи всѣхъ сидѣвшихъ въ театрѣ мнѣ были лично извѣстны, и только 36 мѣстъ партера, начиная съ 12 ряда, были отправлены въ распоряженіе завѣдывавшаго охраной Генерала Курлова, для чиновъ охраны, по его письменному требованію. Кому будутъ даны эти билеты, я не зналъ, но мнѣ была извѣстна цѣль, для которой они были высланы и этого было достаточно. Въ карманѣ сюртука у меня находился планъ театра и при немъ списокъ, на которомъ было указано, кому какое мѣсто было предоставлено.

Въ 9 часовъ прибылъ Государь съ Дочерьми. Къ своему креслу, къ первому отъ лѣваго прохода, съ правой стороны, прошелъ Столыпинъ и сѣлъ въ первомъ ряду. Рядомъ съ нимъ налѣво, по другую сторону прохода, сѣлъ Генералъ-Губернаторъ Треповъ, направо — Министръ Двора графъ Фредериксъ. Государь вышелъ изъ аван-ложи. Взвилъ

ся занавѣсъ и раздались звуки народнаго гимна. Игралъ оркестръ, пѣлъ хоръ и вся публика. Патриотическій подъемъ охватилъ и увлекъ всѣхъ. Шла "Сказка о Царѣ Салтанѣ" въ новой, чудесной постановкѣ. Я весь отдался чувству высокаго эстетическаго наслажденія. Мнѣ казалось, что здѣсь можно быть спокойнымъ: вѣдь всѣ сидящіе въ театрѣ извѣстны, а снаружи онъ хорошо охраняется и вороваться съ улицы никто не можетъ. Кончилось первое дѣйствіе. Я всталъ около своего кресла, во второмъ ряду, за кресломъ Начальника Края. Къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ подошелъ ген. Курловъ. Я слышалъ, какъ Министръ спрашивалъ его, задержана ли террористка и наставлялъ на скорѣйшей ликвидаціи этого дѣла. Началось второе дѣйствіе, прослушанное съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ. При самомъ началѣ второго акта, когда Государь съ Семей отошелъ въ глубь авансцены, а П. А. Столыпинъ всталъ и, обернувшись спиной къ сценѣ, разговаривалъ съ графомъ Фредериксомъ и графомъ Юсифомъ Потоцкимъ, я на минуту вышелъ къ подъѣзду, чтобы сдѣлать какое-то распоряженіе. Возвращаясь, я встрѣтилъ Министра Финансовъ Коковцева, пожимавшаго руку встрѣчнымъ и говорившаго: "я уѣзжаю сейчасъ въ Петербургъ и тороплюсь на поѣздъ". Противишись съ Министромъ, я медленно пошелъ по лѣвому проходу къ своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я былъ на линіи 6 или 7 ряда, когда меня опередилъ высокій чело-

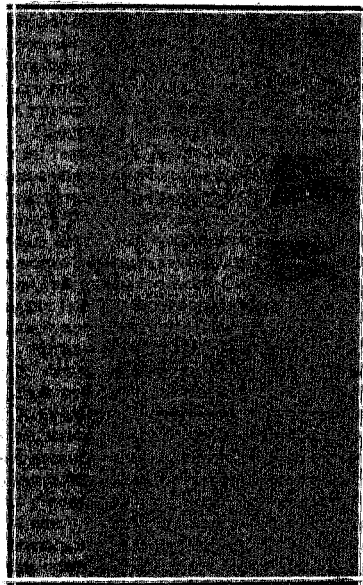
вѣкъ въ штатскомъ фракѣ. На линіи второго ряда онъ внезапно остановился. Въ то же время въ его протянутой рукѣ блеснулъ револьверъ, и я услышалъ два короткихъ сухихъ, выстрѣла, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Въ театрѣ громко говорили и выстрѣлы слышали немногіе, но когда въ залѣ раздались крики, всѣ взоры устремились на П. А. Столыпина, и на нѣсколько секундъ все замолкло. П. А. какъ будто не сразу понялъ, что случилось. Онъ наклонилъ голову и посмотрѣлъ на свой бѣлый сюртукъ, который съ правой стороны, подъ грудной клѣткой, уже заливался кровью. Медленными и увѣренными движеніями онъ положилъ на барьеръ фуражку и перчатки, разстегнулъ сюртукъ и, увитя жилетъ, густо пропитанный кровью, махнулъ рукой, какъ будто желая сказать: "все кончено!" Затѣмъ онъ грузно опустился въ кресло и ясно и отчетливо, голосомъ слышнымъ всѣмъ, кто находился недалеко отъ него, произнесъ: "счастливъ умереть за Царя". Увидя Государя, вышедшаго въ ложу и ставшаго впереди, онъ поднялъ руки и сталъ дѣлать знаки, чтобы Государь отошелъ. Но Государь не двинулся и продолжалъ на томъ же мѣстѣ стоять, и Петръ Аркадьевичъ, на виду у всѣхъ, благословилъ его широкимъ крестомъ.

Преступникъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, бросился назадъ, руками расчищая себѣ путь, но при выходѣ изъ партера, ему загородили проходъ. Сбѣжалась не только молодежь, но и старики, и стали бить его шапками, шпагами и кулаками. Изъ

ложи бѣдь-этажа выскочилъ кто то и упалъ около убійцы. Полковникъ Спиридовичъ, вышедшій во время антракта по службѣ на улицу и прибѣжавшій въ театръ, предотвратилъ едва не происшедшій самосудъ: онъ вынулъ шапку и, объявивъ, что преступникъ арестованъ, заставилъ всѣхъ отойти.

Я все-таки пошелъ за убійцей въ помѣщеніе, куда его повели. Онъ былъ въ изодранномъ фракѣ, съ оторваннымъ воротничкомъ на крахмальной рубашкѣ, лицо въ багрово-синихъ подтекахъ, изо рта шла кровь. — Какимъ образомъ вы прошли въ театръ? спросилъ я его. Въ отвѣтъ онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана билетъ. То было одно изъ кресель въ 18 ряду. Я взялъ планъ театра и списокъ и противъ номера кресла нашелъ записъ: "отправлено въ распоряженіе генерала Курлова для чиновъ охраны". Въ это время вошелъ Кулябко, прибѣжавшій съ улицы, гдѣ онъ все старался задержать террористку, по примѣтамъ, сообщеннымъ его осведомителемъ. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтымъ. Хриплымъ отъ волненія голосомъ, съ ненавистью глядя на преступника, онъ произнесъ: "это Багровъ, это онъ, мерзавецъ, насъ морочилъ". Всмотрѣвшись въ лицо убійцы, я призналъ въ немъ чловѣка, который днемъ стоялъ у фотографа, и понялъ роль, сыгранную этимъ предателемъ."

Я вышелъ искать Начальника Края. Генералъ Треповъ распорядился у Царской ложи, подготавливая отъѣздъ Государя. Онъ опасался, что выстрѣлъ въ театрѣ былъ первымъ актомъ болѣе широкаго

П. А. Столыпинъ.
Снято въ Киевѣ въ день убійства 1 сентября 1911 г.
Работы Киевскій Губернаторъ Гирсъ.

плана и что засады могут быть на улицъ. Всю площадь передъ театромъ сильными полицейскими нарядами очистили отъ публики; у подъезда Царской ложи было нѣсколько закрытыхъ автомобилей, въ одинъ изъ нихъ помѣстился Государь съ Дочерьми, въ другихъ размѣстилась свита. Начальникъ Края ѣхалъ впереди и, минуя улицы, на которыхъ собрался народъ, чтобы видѣть проѣздъ Царя, привезъ Его во дворецъ.

Проводивъ Государя до автомобиля, я вернулся въ театръ. П. А. Столыпина уже вынесли, залъ наполовину опустѣлъ, но оркестръ все продолжалъ играть гимнъ. Публика пѣла “Боже, Царя храни” и “Спаси, Господи, люди Твоя”, но въ охватившемъ всѣхъ энтузіазмѣ чувствовался надрывъ, слышался вопль отчаянья, какъ будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила въ сердце Россіи. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку.

Когда публика разъѣхалась, я вошелъ въ комнату, гдѣ на диванѣ, съ перевязанной раной и въ чистой рубашкѣ, съ закрытыми глазами, лежалъ П. А. Столыпинъ. Отъ окружавшихъ его профессоровъ, извѣстныхъ кievскихъ врачей, и узналъ, что они распорядились отвезти раненаго въ лечебницу доктора Маковского, что на Мал. Владимирской, и что у подъезда театра уже стоитъ карета скорой помощи. Я обратился къ одному изъ врачей и спросилъ его, есть ли надежда на спасеніе. “Рана очень опасная, сказалъ мнѣ докторъ, но смертельна

она или нѣтъ, сейчасъ сказать нельзя. Все зависитъ отъ того, въ какой степени повреждена печень". Когда П. А., смертельно блѣднаго на носилкахъ выносили въ карету, онъ открылъ глаза и скорбнымъ страдающимъ взглядомъ смотрѣлъ на окружающихъ.

Въ то время, когда В. Н. Коковцевъ находился въ приемной, въ лечебницу пріѣзжалъ генералъ Курловъ. Онъ сталъ докладывать В. Н. по поводу случившагося, но В. Н. выслушалъ его сухо и сдѣлалъ суровую реплику. Курловъ отошелъ и, замѣтивъ меня, сказалъ: "всю жизнь я былъ преданъ П. А., и вотъ результатъ". Онъ протянулъ мнѣ руку, и на его глазахъ заблестѣли слезы. Всю ночь, до самаго разсвѣта, провелъ В. Н. Коковцевъ у изголовья кровати раненаго, въ бесѣдѣ съ нимъ. Видя въ В. Н. своего естественнаго замѣстителя, изнемогавшій отъ раны, Петръ Аркадьевичъ послѣднія силы свои отдалъ на посвященіе его въ текущіе и сложные вопросы государственной жизни беззаветно любимой имъ Матери-Россіи.

На слѣдующій день Государь ѣздилъ въ Овручъ. По выходѣ изъ дворца Его Величество объявилъ, что желаетъ навѣстить Столыпина. Царскій автомобиль направился на Мал. Владимирскую. При входѣ въ лечебницу Государь спросилъ встрѣтившихъ Его врачей, можетъ ли Онъ видѣть Петра Аркадьевича. На это старшій врачъ отвѣтилъ, что свиданіе съ Его Величествомъ взволнуетъ больного

и можетъ ухудшить его состояніе, о чемъ онъ откровенно докладываетъ по долгу врача и вѣрно подданнаго. Узнавъ, что въ лечебницѣ находится, только что прибывшая изъ Ковенскаго имѣнія, супруга П. А. Столыпина — Ольга Борисовна, Государь пожелалъ ее видѣть и не надолго прошелъ къ ней въ приемную.

Въ тотъ-же день, по инициативѣ группы членовъ Государственной Думы изъ партій націоналистовъ и земскихъ гласныхъ Края, въ 2 часа дня, во Владимірскомъ Соборѣ, Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, соборне съ четырьмя Епископами, было отслужено торжественное молебствіе о выздоровленіи Столыпина. Соборъ былъ переполненъ. Собравшіеся истово молились и многіе плакали.

Два послѣдующихъ дня прошли въ тревогѣ, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операціи и извлеченія пули, консилиумъ, съ участіемъ прибывшаго изъ Петербурга профессора Цейдлера, вынесъ отрицательное рѣшеніе.

4-го сентября вечеромъ, здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабѣло и около 10 ч. вечера 5-го сентября, онъ тихо скончался.

Вѣсть о кончинѣ Столыпина быстро распространилась по городу и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5-го сентября находился въ Черниговѣ. 6-го сентября утромъ Онъ возвратился въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру и съ пристани,

не заѣжая во дворецъ, проѣхалъ поклониться праху Своего вѣрнаго слуги, жизнь положившаго за Россію. Въ присутствіи Государя, вдовы и ближайшихъ лицъ Святи, у тѣла Столыпина была отслужена панихида.

“Я хочу быть похороненнымъ тамъ, гдѣ найду свою смерть”, говорилъ П. А., предчувствуя свой близкій конецъ отъ руки революціонера. Указаніе Столыпина было свято исполнено его близкими и мѣстомъ вѣчнаго его упокоенія была избрана Киево-Печерская Лавра.

8-го сентября вечеромъ печальная процессія двинулась изъ лечебницы въ Печерскъ, сопровождаемая многочисленной толпой русскихъ людей. Все было величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и это такъ гармонировало съ свѣтлымъ обликомъ того, кто безвременно отошелъ въ вѣчность. 9-го сентября утромъ, въ Трапезной церкви, заставленной вѣнками съ національными лентами, собралось Правительство, представители арміи и флота и всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, многіе члены Государственнаго Совѣта, центръ и почти все правое крыло Государственной Думы, а также болѣе сотни крестьянъ, прибывшихъ изъ ближайшихъ деревень отдать послѣдній долгъ почившему Киевскій Генераль-Губернаторъ Генераль-Адъютантъ Треповъ, по повелѣнію уѣхавшаго 7 сентября Государя, представляя Его Особу. Старшіе чины Министерства Внутреннихъ дѣлъ и чины Государственной Канцеляріи несли дежурство у гроба. Послѣ отпѣванія

гробъ вынесли и опустили возлѣ церкви, рядомъ съ исторической могилой другого русскаго патріота Кочубея.

Сейчасъ, же послѣ смерти Столыпина, въ той же группѣ земскихъ гласныхъ и членовъ Государственной Думы изъ партіи націоналистовъ, возникла мысль о постановкѣ ему памятника въ Киевѣ. Было использовано пребываніе въ Киевѣ Государя Императора и замѣстителя Предсѣдателя Совѣта Министровъ Коковцева и на Всероссийскій сборъ пожертвованій уже 7 сентября утромъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Пожертвованія потекли столь обильно, что въ три дня въ одномъ Киевѣ была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятникъ, — такъ обаятельна была память Столыпина. Мѣстомъ постановки памятника была избрана площадь возлѣ Городской Думы, на Крещатикѣ, а исполненіе его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему въ Киевѣ. Въ 1912 году, ровно черезъ годъ послѣ смерти П. А., памятникъ былъ открытъ въ торжественной обстановкѣ, среди съхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи, его почитателей. Столыпинъ былъ изображенъ какъ бы говорящимъ съ Думской кафедры, на камнѣ высѣчены сказанныя имъ слова, ставшія пророческими:

“Вамъ нужны великія потрясенія — намъ нужна Великая Россія”.

Большевики, полонившіе нашу Родину, конечно, не могли перенести вида памятника и его уни-

чтожили, но изъ русской души они не вытѣснятъ образъ Столыпина. Пройдетъ лихолѣтье и въ исторію возрожденнаго Отечества имя Столыпина войдетъ еще болѣе прославленнымъ. Въ его завѣтахъ будетъ строиться Россія.

18-го Января 1927 г.
Парижъ.

А. Гирсъ.

ПРОПУЩЕНО :

на стр. 13 — 7 строка сверху

(Вотъ, господа, все, что я хотѣлъ сказать. Сказалъ, что думалъ и какъ умѣлъ".) —

Imp. Scientifique et Commerciale, 4, rue Félix-Faure, PARIS (XVe)

